

чиналось, — отвѣтила исправница: — Лапкинъ, видите ли, очень, очень просилъ Марью Васильевну переговорить съ Шульцомъ, но она еще не говорила; Шульца нѣтъ въ городѣ, онъ въ уѣздѣ... Странно, однако, какъ же вы-то знаете объ этомъ, а Марья Васильевна увѣряла меня, что никто еще не знаетъ, что она только мнѣ одной передала... Ахъ, какая!

Но мнѣ было не до сѣтованій исправницы. Новость просто ошеломила меня, и я едва сдержался, чтобы не обнаружить кипѣвшаго во мнѣ негодованія на поступокъ Лапкина. Между тѣмъ, любезная хозяйка продолжала:

— Лапкинъ общается за дочерью 10 тысячъ и покупаетъ землю...

— Что же, — сказалъ я: — имѣнiе, которое арендуетъ теперь Лапкинъ, скоро будетъ продаваться и покупка его дѣло рѣшенное.

— Да, — отвѣтила хозяйка: — Лапкинъ и спитъ, и видитъ попасть въ земство. А говорить, что онъ прежде лакеемъ былъ...

— Правда; а теперь мечтаетъ о предсѣдательствѣ въ земской управѣ.

— О, Боже! — воскликнула исправница.

Послѣдовала пауза; воспользовавшись ею, я простился. Меня тревожила мысль — не узнать ли объ этой „тайнѣ“ Петръ Ивановичъ; оказалось, по счастью, что онъ ничего не знаетъ, собирается въ театръ и взялъ билетъ. Опасаясь, что онъ можетъ встрѣтиться тамъ съ знакомыми и узнать печальную для себя новость, я уговорилъ его ѣхать домой. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ согласился и черезъ часъ мы катили уже по большой дорогѣ.

Морозило. Скованный черноземъ глухо гудѣлъ подъ колесами тарантаса. Отдохнувшія лошади бѣжали бойко. Въ глубокомъ небѣ ярко горѣли звѣзды; луна разливала матовый свѣтъ. Тянувшіеся вдоль дороги телеграфные столбы выступали впереди внезапно, точно изъ земли выросли и потомъ скрывались за тарантасомъ.

Поѣздка очень оживила моего спутника: онъ, ничего не подозревая, всю дорогу говорилъ о свѣтломъ будущемъ.

XVII.

Однообразно и скучно протянулось дня четыре. Разыгравшееся ненастье заставляло сидѣть дома; только агрономъ сѣдлалъ по вечерамъ коня, надѣвалъ кожанъ и, несмотря на вѣтеръ и дождь, отправлялся на хуторъ. Василий Никандрычъ почти не жилъ дома;